

Н. БАХТИН

Мережковский и история

1

«Когда в самые черные дни большевистского ужаса, в декабре 1918 г., в нетопленных залах петербургской публичной библиотеки, где замерзали чернила в чернильницах, я просматривал египетские рисунки..., я ничего не понял бы в них, если бы тут же, рядом со мной, не совершался “Апокалипсис наших дней”».

Так, через напряженное изживание современности, раскрылся Мережковскому его Египет — «Бесконечная древность и новизна бесконечная».

Таков всегдашний путь Мережковского: прорасти корнями *из* настоящего *через* настоящее — в былое. Все его творчество — медленное прорастание в глубинные и плодоносные пласты Истории: Россия Александра, Павла, Петра; Италия Леонардо; Эпоха Апостата; теперь — Эгейская культура, и далее — Египет, Вавилон*.

Для него познание прошлого — реальное общение в духе и лестница посвящений.

2

Можно «уходить в прошлое», укрываться в нем от настоящего и грядущего; можно, через историю, искать болезненно-щекочущего ощущения повторяемости — «все это уже было, все повто-

* Тайна трех. Египет и Вавилон. Прага, 1925. Рождение богов. Тутанкамон на Крите. Прага, 1925.

руется»; наконец, можно скопчески-бесстрастно реконструировать, осмысливать и отвлеченно познавать былое.

По слову Вяч. Иванова, «омертвелая память, утерявшая свою инициативность, не приобщает к посвящениям отцов... Дух не говорит больше с декадентом через своих прежних возвестителей, говорит с ним только душа эпох».

Эти «декаденты» — сентиментальные или учено-трезвые фетишисты былого — конечно, увидят в книгах Мережковского лишь ряд произвольных, необоснованных догадок и неточностей.

«Рождение Богов» и «Тайна трех» — написаны не для них.

3

Но, в самом деле, Египет Мережковского есть ли это реально бывший Египет, а его Крит — исторический Крит? Наконец, самое понимание истории как «всемирной мистерии-мифа о страдающем Боге» — может ли оно быть оправдано и обосновано? Или все это — «*der Herren eigner Geist in dem die Zeiten sich bespiegeln*» *, как глумился Фауст?

Более того, все живые приобщения к прошлому — не призрачны ли они? Так античность возрождения, античность Гете—Винкельмана, античность Ницше — все эти концепции последовательно, одна за другой, изблещили свою историческую несостоятельность и свою творческую плодотворность и правоту.

Как понять эту двойственность?

4

Всякое осознание былого (равно в плане личном и историческом) роковым образом неадекватно. Есть какая-то коренная недоступность и невыразимость того, что раз совершилось и отошло в прошлое. Память, как Дельфийский Бог, «не скрывает, не открывает, но лишь знаменует». Поэтому воссоздание прошлого — не обманчиво, конечно, — а символично, условно, по своей природе. Но через символ, через миф, осуществляется *реальное* прикосновение к живой плоти былого, *реально* приемлетя какая-то сила.

* Дух времени — увы — ни что иное,
Как отраженье века «временное» (нем.).

Вот почему подлинное творчество всегда сознает себя как возрождение древней, исконной традиции и кристаллизуется в миф. Таково и творчество Мережковского.

5

В основном и существенном, Мережковский тот же, каким мы знали и любили его когда-то. Но корни его творчества еще глубже ушли в былое, руководящие мотивы по-новому усложнились, соприкоснувшись с новыми средами.

Было бы ненужным и праздным делом спешно выделять из живого многообразия его книг — их схему, их идейный остов. Быть может, главное обаяние Мережковского последних лет — именно в живом нарастании, переплетении, скрещивании многообразных мотивов и тенденций, по законам какого-то ему одному свойственного контрапункта.

